

Грибоедов Александр Сергеевич [4(15).1.1795 (по другим сведениям 1790), г. Москва — 30.1(11.2).1829, г. Тегеран (Персия, ныне Иран); похоронен в Тифлисе (ныне Тбилиси, Грузия), в монастыре св. Давида] — поэт, драматург, дипломат; фиксировал народные песни, сказки, игры.

Родился в дворянской семье. Начальное образование получил дома под руководством библиотекаря Московского университета И. Б. Петрозилиуса и профессоров Б. И. Иона и И. Ф. Буле. С 1803 учился в Благородном пансионе при Московском университете. В 1806—1812 студент Московского университета. В 1808 закончил словесный факультет со званием кандидата; затем занимался на юридическом и физико-математическом факультетах. Владел французским, английским, немецким и итальянским языками, знал греческий и латинский, позднее обучился персидскому, арабскому и турецкому языкам. Обладал музыкальными дарованиями. В пансионе и университете общался со многими будущими декабристами.

В начале Отечественной войны 1812 г. поступил добровольцем в Московский гусарский полк. В 1814 дебютировал в «Вестнике Европы», поместившем две его корреспонденции из армии. В 1816 ушел в отставку и поселился в Петербурге, поступив на службу в Коллегию иностранных дел; был знаком с А. С. Пушкиным, В. К. Кюхельбекером, сошелся с театральным кружком А. А. Шаховского и П. А. Катенина, сотрудничал в журналах, писал пьесы и критические статьи.

В 1818 получил назначение на должность секретаря русской дипломатической миссии в Персии; добился освобождения из плена 150 русских солдат. В ходе следствия 1825—1826 по делу декабристов был арестован, освобожден с «очистительным» аттестатом, назначен полномочным министром в Персию. Сыграл значительную роль в заключении Туркманчайского мира (1828). Энергичная деятельность Г. в качестве российского посла в Персии вызвала агрессивное противодействие местных властей и части иностранных миссий. 30 янв. 1829 Г. погиб при нападении фанатиков на русское посольство.

В 1822—1824 написал комедию «Горе от ума», которая при жизни автора не увидела сцены, но активно распространялась в списках и устным цитировании (около 60 стихотворных выражений из «Горя от ума» вошло в сборники крылатых слов). Художественные взгляды Г. близки идеям «младоархаистов», противопоставлявших деспотическое и порочное новоевропейское общество древней героике и народным нравам и облекавших гражданскую проблематику в «одежды» национального, библейского и восточного стилей. В сатире «Лубочный театр» (1817), опубликованной полностью в «Сборнике, изданном студентами Санкт-Петербургского университета» (1860. Вып. 2. С. 242—243), Г. стилизована речь раешников: «Эй! Господа! || Сюда! сюда!.. || Есть тьма у нас okazji разных: || Есть дикий человек, безрукая мадам... || Извольте видеть — вот || Рогатый, нерогатый || И всякий скот».

В замысле трагедии «1812 год» (план и небольшой отрывок опубликован: Русское слово. 1859. № 5. С. 67—69, 80—81) контрастно соединены темы национального подъема и крепостнического произвола, картины «зверского распутства, святотатства и всех пороков» иноземных захватчиков в Кремле и мысли Наполеона о «юном, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов». В обращении Петра Андреевича к дочери использованы образы народных песен: «Бывало, посетишь и ты меня, отца, || Обнимешь, все осмотришь... угол мой || На полгода весельем просветится».

В стихотворении «Хищники на Чегеме» (Северная пчела. 1826. 30 нояб., № 143) романтическая поэтизация воинственности и свободолюбия кавказских горцев сочетается с серьезным интересом к своеобразию чужого этнического характера. Фрагменты трагедии «Грузинская ночь» (Русское слово. 1859. № 5. С. 89—95, 115—116) указывают на стремление Г. активно использовать «мест-

ный колорит» и фольклорную фантастику для характеристики национального характера героев.

Путевые заметки разных лет (Полн. собр. соч. СПб., 1917. Т. 3. С. 30—88) свидетельствуют об интересе Г. к персидскому и русскому фольклору: здесь фиксируются образцы «персидской учтивости», местные пословицы, рассказы пленных русских, песенный и сказочный репертуар солдат («Как за реченькой слободушка», «В поле дороженька», «Солдатская душенька, задушевный друг», «Сказка о Василье-царевиче — шелковые повода, конь златогривый, златохвостый, золотая сбруя, золотые кисти по земле волочатся, сам богатырь с молодецким посвистом, с богатырским покриком, в вицмундире, с двумя кавалериями...» — 5 сент. 1819). Здесь находит место и образная рефлексия иностранного путешественника на Кавказе: «Хозяин представился мне в виде добродушного московитянина, угощающего приезжего из немцев... сам я — Олеарий... и даже в англичанине я видел Маржерета и всякого другого бродящего иностранца того времени, который в наших теремах пил, ел, разживался и ругательством платил за русское хлебосольство» (Эривань, 4 февр. 1819).

В письмах П. А. Катенину высказываются суждения о роли фольклорно-мифологического компонента в построении драматических произведений: проводится аналогия между поэтикой катенинских драм и персидского религиозного театра (февр. 1820), указывается на искусственность мотивировок действия в «Золотом руне» Ф. Грильпарцера: «...чудно, что немец и, следовательно, ученый человек не воспользовался лучше преданиями о зверских нравах древней Колхии» (17 окт. 1824).

Особый интерес для фольклористики представляет статья «Загородная поездка (Отрывок из письма южного жителя)» (Северная пчела. 1826. 26 июня, № 76), которая является иронической парафразой болгаринского «письма» годичной давности к П. П. Свиньину «Поездка в Парголово, 21 июня 1825 года» (Северная пчела. 1825. 27 июня, № 77). План болгаринского очерка — застава, дачи и дачники, озеро и церковь, виды с возвышенности, песни и пляски крестьян, поездка верхом на местных лошадях — сохранен с незначительными вариациями; возможно, что и грибоедовская дата «21 июня» является не столько реальной, сколько литературной деталью, подчеркивающей «преемственность» двух публикаций. Общность композиции и сентиментально-романтических штампов жанра путевых картин оттеняет принципиальную разницу пафоса двух статей: бытоописательного болгаринского и философско-полемического грибоедовского. В центральной сцене своего очерка Ф. В. Булгарин рисует забавы крестьянских детей «на показ» и «на продажу»: «Громкие песни раздавались на Парнасе; пели и плясали не Музы, а русские крестьянские девушки. Деревенские мальчики забавляли городских весельчаков своими уловками и проказами. По данному знаку человек двадцать мальчиков бросались с горы вниз головой и кубарем катились во всю прыть... Француз улыбнулся, увидев, как проворно мальчики подбирали деньги, бросаемые сверху в награду их ловкости». Г. выносит в центр иное, возможно, единственное реальное впечатление своей поездки (остальные сцены подчеркнута «списаны» у Булгарина): «Песни не умолкали; затянули „Вниз по матушке по Волге“; молодые певцы присели на дерн, дружно грянули в ладоши, подражая мерным ударам весел; двое на ногах оставались: Атаман и Есаул». Если Булгарин, «собирая изустные предания у русских крестьян, живущих в двух деревнях по обеим сторонам мызы», выяснил их суздальские и вологодские корни полувековой давности, то мысль Г. обращена в глубь отечественной истории: «Родные песни! Куда занесены вы со священных берегов Днепра и Волги?» Образы народной драматической игры «Лодка» ассоциируются у него с походами Степана Разина, в том числе с описанным в «Путешествии в Персию» Ж. Шардена (*Jean Chardin. Voyage en Perse. Paris, 1811*) разорением разинцами Фируз-Абата (Ферах-Абада) в 1669. «Смелые черты и вольные движения» певцов резко контрастируют со скован-

ным изумлением слушателей-«полуевропейцев», каким-то «черным волшебством сделавшихся чужими между своими... Народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки!».

Свидетельством серьезного интереса Г. к этнографии, истории и археологии служат его комментарии к «Необыкновенным похождениям и путешествиям русского крестьянина Дементия Иванова Цикулина в Азии, Египте, Восточной Индии с 1808 по 1821 год, им самим описанным» (Северный архив. 1825. № 8. С. 348—362; № 9. С. 47—67), а также мелкие заметки 1824—1825, объединенные заглавием «Desiderata» (Полн. собр. соч. СПб., 1917. Т. 3. С. 92—100).

Справ.: Брокгауз—Ефрон; КЛЭ; Гришунин А. Л., Маркович В. М., Мелихова Л. С. Грибоедов Александр Сергеевич // Русские писатели: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 22—28; Фомичев С. А. Грибоедов. Энциклопедия. СПб., 2007.

Биогр.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Под ред. В. Э. Вацура, Н. К. Гея, С. А. Макашина и др. М., 1980; Пиксанов Н. К. Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова, 1791—1829 / Отв. ред. А. Л. Гришунин. М., 2000.

Библиогр.: А. С. Грибоедов. Библиографический указатель произведений А. С. Грибоедова и литературы о нем. 1814—1889 / Под ред. Н. М. Лисовского. СПб., 1889.

Лит.: Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. С. 198—199; Винокур Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 257—300; Гусев В. Е. Русский фольклорный театр XVII—начала XX в. Л., 1980; Дубровин А. А. А. С. Грибоедов и художественная культура его времени. М., 1993; Елеонский С. Ф. Литература и народное творчество. М., 1956. С. 103—113; Крупянская В. Ю. Народная драма «Лодка» (Генезис и литературная история) // Славянский фольклор. М., 1972. С. 258—302; Лемке Г. Античность, фольклор и Библия в творчестве А. С. Грибоедова // II Крымские чтения. Симферополь, 1993. Ч. 2. С. 58—60; Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976; Черных Л. В. Роль фольклора в развитии русской драмы // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX в. Л., 1976. С. 416—420.

Арх.: РГАЛИ, ф. 136; ИРЛИ, Р. I, оп. 5, д. 118—126 и др.; РГБ, ф. 178; РНБ, ф. 221; ГЦТМ, ф. 78.

С. В. Алтатов

Дашков Василий Андреевич [2(14).5.1819, Рязанская губ. — 8(20).1.1896, г. Москва] — этнограф, музейный деятель и коллекционер.

Происходил из старинного дворянского рода, известного с XVI в. Его отец, А. В. Дашков (1790—1865), был участником Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., был ранен, из-за последствий ранения уволен из армии в 1819 в чине подполковника, в 1826 был принят на гражданскую службу и с мая 1836 по декабрь 1839 занимал пост губернатора Олонецкой губ. Не менее интересен дядя Д. — Д. В. Дашков (1784—1839), в 1832—1839 годах — министр юстиции Российской империи.

В марте 1832 Д. поступил кадетом в Институт инженеров путей сообщения, но в июне 1837 был уволен из этого института «по неспособности к математическим наукам и по слабости здоровья». Затем он переехал в отцу в Петрозаводск и в сент. 1837 поступил учиться в петрозаводскую губернскую гимназию (Национальный архив Республики Карелия, ф. 17, оп. 5, д. 7/14, л. 26—30. — Дело по прошению дворянина Василия Дашкова о принятии его в число своекоштных воспитанников гимназии). Летом 1837 Д. совершил путешествие по маршруту Петрозаводск — Повенец — Сумский посад — Соловецкий мона-